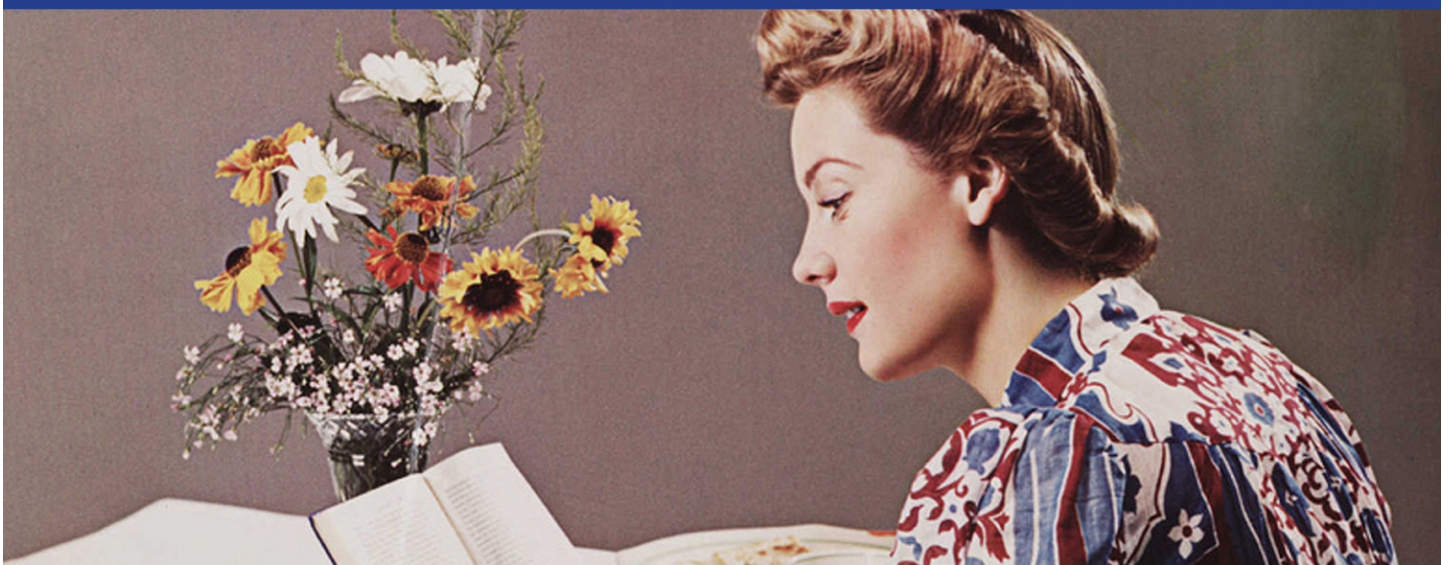

Галина Щербакова

Вспомнить нельзя забыть

ФТМ

Галина Щербакова

Вспомнить нельзя забыть

«ФТМ»

2008

Щербакова Г. Н.

Вспомнить нельзя забыть / Г. Н. Щербакова — «ФТМ», 2008

«Вспомнить нельзя, забыть» – повесть совершенно новая, непривычно жесткая и написанная с шокирующей прямоотой. Будто бесхитростно взятый с чужой жизни слепок, история преодоления тяжелейшей физической и психологической травмы – изнасилования. История приобретенного мужества и красоты.

© Щербакова Г. Н., 2008

© ФТМ, 2008

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Галина Щербакова

Вспомнить нельзя забыть

1

Он смотрел на нее со второй полки поезда Москва – Берлин. Как же неловко, неудобно она сидит, даже как-то криво, прижавшись лбом к стеклу вагона. Но как спокойны ее волосы, ровно стекающие от макушки. И как трогательна сама макушка, светлая и беззащитная. Он видит в потоке ее светло-каштановых волос тоненькие седые нитки. Когда (пять или уже шесть лет тому) он держал ее за голову в грязной, не приспособленной для боли «Скорой помощи», их не было. Его глаз ухватил тогда сразу все: неработающую, сломанную будто нарочно аппаратуру в машине, к которой он прижимался спиной, какие-то грязные мешки на полу, гнутые носилки с драным брезентом, а в его руках голова девчонки с такими слабенькими волосами и сгустком крови от удара, как он уже понимал, несмертельного.

Сейчас она поднимет голову и увидит его глаза.

– Как чисто, – говорит она, кивая на пробегающий пейзаж.

– Мы уже в Германии, – отвечает он. – Контраст всегда бросается в глаза. Ты давно смотришь?

– Как стало светать... У меня не получается спать в поезде. А была маленькая – укачивалась мгновенно. Мама еще шутила: «Вот бы нам самое дальнее следование, пока ты подрастешь и научишься спать». А подросла – все время поезд слушаю и подглядываю. Сегодня же подумала: ночью за окном бежит не расстояние. Бежит время. Оно черное и какое-то ватное. Быстрая вата – это смешно или противно?

– Теперь я понимаю, – улыбается он, – почему не люблю черных окон поезда. Не люблю вату.

– Доктор не может не любить вату. Ему без нее никак, – смеется она.

– О! – отвечает он. – Еще как!

Он спрыгивает вниз уже с зубной щеткой, мылом и полотенцем через плечо.

– А я уже давно умылась, – говорит она. – Все спали. Тихо. Никакой очереди. Умылась, как говорила бабушка, по-честному. До скрипа.

Ему же пришлось занять очередь. Но стоять не стал, вернулся, обхватил руками «чистую до скрипа» и стал шептать ей в волосы разные никакие слова, потому что народ за миллионы лет так и не придумал настоящих, чтобы сказать ей, что она для него – все, что у нее самая лучшая макушка в мире, что у счастья есть только одно имя – Оля, что он дурак, что тогда уехал, но какой же умный, что вернулся. И теперь он не отпустит ее одну ни в какую сторону, а через вату будущего времени они будут пробираться вдвоем. Ну не дурь ли? Хоть бы стихов по молодости навучил, заслонил бы ими свое скудословие.

Она смотрит на него. В глазах ее слезы. «Ну какой же ты идиот! Разве этого ты хотел? Она не должна больше плакать в этой жизни никогда. А ты тупица, ты болван!»

– Я люблю тебя, Миш. Очень! Как бы я без тебя жила?

И они сидят обнявшись, забыв про очередь.

2

А надо сказать не так. «Я бы без тебя вообще не жила».

Но она это и знает, и не знает. Она еще многого не знает о себе. Иногда ей кажется: все сошлось. Осколки памяти вошли пазл в пазл. Но стоит часам тикнуть, поезду дрогнуть на стыке – и все сыплется, сыплется. Главное, что она так и не знает степень собственной вины в собственной беде. Не зная этого, как можно определить все последующее, если в сердцевине – ты сама.

3

«Чудна€я», – говорили о ней во дворе. До нее в однокомнатке на первом этаже жила семья инвалидов. Жену хозяин схоронил уже лет пять как. Жил один с огромным котом, которого боялись все: мыши, птицы, собаки, дети и даже взрослые. Кот был тигром местного значения, вырывал из сумок еду, дежурил у мусорного бака и мстил тем, кто выбрасывал только пустые банки и стекляшки. Он так раскрывал клыкастую пасть, что люди по-быстрому уносили ноги – мало ли? А вдруг бешеный? И хоть уже все знали, что нет, здоровый, все равно, подходя к мусорке, еще издали кричали: «Кыш, сволочь, кыш!» Но сволочь всех их имела в виду.

Инвалид умер, где его похоронили и кто, тайна сия велика есть, хотя на смерть прилетел, как волшебник в голубом вертолете, наследник квартиры, некий племянник. Сроду его тут не видели. Первое, что народ потребовал от него, – забрать и усыпить кота-«сволочь». Наследник сказал, что его уже поздно учить, что ему делать, а через какое-то время в квартире появились вполне приличные люди с рабочими, то, се, обои, окна, двери, а потом поселилась девушка, к которой стал возвращаться с помойки кот, а куда же ему еще возвращаться?

Народ с интересом ждал больших кошачьих безобразий, но случилось все иначе. Кот стал смиренным и ласковым, полюбил сидеть на окне, а выскакивал в форточку, только если уж очень нагнели птицы и собаки. Девушка заинтересовала. Народ наш вообще любопытен. «Наследование квартиры» было первым в их доме, а потому и удивительным. Жила пятиэтажка-хрущевка по старым правилам, те, кто принял эту новую сволочную жизнь, давно уже съехали, а те, что остались, жили как и раньше «совки», ибо такими и были. И тут на тебе: безногий полуинвалид, оказывается, имел наследника. Сроду не появлялся, а тут нашелся. Но, правда, и исчез скоро, оставив после себя следы ремонта, пусть не такого, что в телевизоре показывают, но все-таки какого-то другого качества, и еще эту молчаливую худенькую барышню, на которую старый бандитский кот не ослаблялся, и даже как бы поменял свою тигриную ориентацию. Людей это раздражало, люди не любили это время перемен и наследств, оно было им противно по какой-то своей глубинной чуждости и ненашести. Мы вот – какие есть, а другие те – каких нам не надо. И люди затаились в подозрительности и ожидании очередных неприятностей этого нового времени, ибо хорошего они пока еще не видели. А кот – сволочь. Мог бы и не курвиться за пайку. Все-таки они ж его ни разу не убили, хотя так хотелось.

Девушка жила тихо и каждое воскресенье куда-то ездила. Она выходила из дома задолго до восьми часов. Ну, будь у нее в руке замотанная по острию мотыга или там ведро с пакетом земельной подкормки, было бы ясно – дачница. Будь у нее плетеный кузовок для грибов или ягод – сказали бы: охотница-грибница. Но не было у нее кузовка, не было и мотыги. Были сумочка и пакет – черный с золотым кругом, и вид торопящейся учительницы или врачихи. Конечно, народу на свете тьма, и угадывать, кто, куда и зачем прется с утра пораньше, дело препустейшее, но если это – из воскресенья в воскресенье, то понять раздражение дома неизвестностью можно.

Скажи им, что дорога барышни лежала на кладбище, они бы просто плюнули ей вслед. Кто ж туда ездит каждую неделю? Будто нет специально отмеченных кладбищенских дней, на май там или в конце осени, чтоб проверить, не налетели ли какие-нибудь сатанисты или хунвейбины на памятник из мраморной крошки. Люди блюли свои правила, а потому девушку подозревали в каких-то особых особенностях. Ведь вся молодежь в воскресенье спит без задних ног, ибо явилась домой только поутру и в нетрезвости. А эта цыпи-дрыпи-лямпампони как не своя, как не из нашего теста. И трезвая, и кота приручила, и здрассте говорит всем. Это плохо, это, можно сказать, даже очень плохо. Подозрительно.

А главное – откуда она взялась?

Конечно, если б они знали... Русский человек не добр, но жалостлив. Он даже очень жалостлив, если перед ним расплескать чужое горе, но, конечно, так, чтобы на его ноги не попало. Тут уж он распетушился бы, тут бы излил жалость до тошноты. Но для этого надо, чтобы горе соответствовало степени русской жалости. Ну, трамвай отрезал ноги, а ногам всего семнадцать лет. Ой, жалко! Или там подожгли старушку за пенсию, а она вкуснее всех жарила семечки. Гора на нашей земле сколько хочешь. Выбирай по вкусу. И знай люди этого дома, кого и за что полюбил кот-сволочь, может, и дрогнуло бы у них сердце, и перестали бы они перемывать девчоночке кости по полной программе. Но они не знали, а потому не любили. Ни кто, ни что, ни звать никак, а ты ее люби?! Наследница, еж твою двадцать... За так хапнула квартирку. И кто она наследнику, который уже тем лучше ее, что определен. А эта? Полюбовница, что ли?

Откуда им было знать, что шесть лет тому девушка Оля жила себе с мамой и папой, была стройненькая, хорошенькая, училась играть на скрипке, вежливо здоровалась со старшими, а к сверстникам птицей летела навстречу с такой лучезарной улыбкой, что люди другого дома, не этого, оглядывались и говорили себе или кому-нибудь еще: ну, откуда такая Дина Дурбин из американского фильма «Сестра его дворецкого» появилась тут у нас?

Это был двор ее девятого класса.

4

Это было время только что прочитанной ею книжки «Здравствуй, грусть» Франсуазы Саган. Мама дала со словами: «Девочки всех времен и народов переходят в твоём возрасте одну и ту же реку». Ей понравились слова о любви – скоропалительной, бурной, мимолетной. Они попали точнехонько в средостение, или, как там правильной назвать, яблочко мишени. Она тогда ходила с этим открытым, даже, вернее, распахнутым яблочком для скоропалительной и бурной любви.

Тогда же жил в их дворе некий Женька. Мать его, дама с претензиями, называла его нежно Журкой, но разве это достойное название для современного парня? Женьку-Журку перелопатили в Жорку, потом в Жорика, Жорана, и никто не мог упредить коварство гласных, которые запросто могут, сменившись, сменить и самого человека. Жорик стал заводилой местной братвы, специфической для времени закатившегося светлого коммунистического будущего. Парни во всю мощь включали музыку девяностых, пили пиво из банок и жевали до зубовного визга жвачку. Они уже были поразвитее родителей в области секса, потому что *такое* видели в журналах, куда там этим шнуркам в стакане.

Вообще примечено, всякий слом системы вызывает массу превращений прежде всего в молодой человеческой природе. Ей на кривизне жизни особенно хочется стать гаже, противней, бабушкины сказки о хорошем как-то по-собачьи, задом отползают в темноту. И покосившаяся Римская империя, скучно рассказанная учителем, и подожженный фашистами рейхстаг из какого-то фильма, и зарытая в известь царская фамилия – знание из телевизора – все истово рождало многих гадов. Такое у времени было чрево. И уже как-то папа сказал: «Детка! Зло часто возвращается неузнанным в расчете на короткую человеческую память. Знать – это значит помнить, а помнить – значит знать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.